

В истории советско-китайских отношений, в судьбах китайской революции вопрос об отношениях И.В. Сталина и Мао Цзэдуна требует дополнительного внимания специалистов, изучающих все тонкости данной проблемы.

Моя первая встреча с Мао Цзэдуном произошла в советском посольстве в марте 1953 г. в связи со смертью И.В. Сталина.

Сначала в посольство к послу А.С. Панюшкину, которого вскоре сменил В.В. Кузнецов, приехал глава правительства КНР Чжоу Эньлай. Оба расплакались. И лишь оправившись, начали беседу, обмен информацией. А.С. Панюшкин и Чжоу Эньлай хорошо знали друг друга с 30–40-х годов.

Позднее прибыл Мао Цзэдун в сопровождении всех членов политбюро ЦК КПК. Он старался держаться сдержанно, не проявлять эмоций, но у него это не получалось. Судя по всему, Мао был искренне потрясен случившимся. В глазах стояли слезы, а некоторые из его соратников открыто плакали.

В “Белом зале” посольства (оно тогда находилось на улице Дунцзяоминсян) у портрета Сталина сменялся почетный караул, возлагалось море венков от партийных и государственных деятелей Китая, общественных организаций, населения Пекина и других городов КНР.

Не скрою, что для человека с нормальной психикой было совершенно невыносимо стоять в почетном карауле, когда мимо портрета Сталина в посольстве день и ночь проходили десятки, сотни тысяч буквально ревуших китайцев.

Мао Цзэдун и И.В. Сталин. Их взаимоотношения — очень сложный и многогранный вопрос, имея в виду важную роль двух лидеров в судьбах наших стран. В данном случае хотелось бы остановиться на моментах, связанных с публикациями архивных документов.

Вот как, например, судил Мао о советском лидере в 1949 г., причем даже не на публичном собрании (типа его выступления в Большом театре в Москве в декабре 1949 г., во время 70-летия Сталина), а в ходе закрытых бесед, записи которых ранее хранились как секретные в партийных архивах.

В отчете в ЦК КПСС о беседах с Мао в Сибэйпо (Северный Китай) в феврале 1949 г. А.И. Микоян писал: “Мао Цзэдун принимал свою роль, свое значение как руководителя и теоретика партии”. Говорил, что “он — только ученик Сталина, что он не придает значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизм он не внес и проч.” Мао Цзэдун заявлял, что “он, как лидер партии... не может себя ставить в один ряд с Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным”. Мао подчеркнул, что в основе теоретических побед китайской революции лежит учение Ленина—Сталина и что Сталин не только учитель народов СССР, но учитель китайского народа и народов всего мира”.

В телеграмме из Сибэйпо от 5 февраля 1949 г. Микоян сообщал: в одной из бесед Мао Цзэдун говорил, что “при разработке вопроса о китайской революции он основывался на высказываниях товарища Сталина, относящихся к 1927 г., и на его позднейших работах о характере китайской революции”.

Обращала также на себя внимание настойчивая линия Мао Цзэдуна, Лю Шаоци (в начале 1949 г. и позже) и Чжоу Эньлая на то, чтобы советское руководство, лично Сталин давали им “советы”, “указания” буквально по всем вопросам китайской революции.

В ходе беседы в политбюро ЦК ВКП(б) с делегацией КПК во главе с Лю Шаоци, Гао Ганом в Москве в июле 1949 г. подобные вопросы вновь поднимались. Сталин тогда сказал: “Китайская делегация заявляет, что Коммунистическая партия Китая будет подчиняться решениям Коммунистической партии Советского Союза. Это кажется нам странным. Партия одного государства подчиняется партии другого государства. Такого никогда не было, и это непозволительно. Обе партии должны нести ответственность перед своими народами, взаимно совещаться по некоторым вопросам, взаимно помогать друг другу, а при возникших трудностях тесно спланировать обе партии — это верно. Вот сегодняшнее заседание политбюро с вашим участием явилось одной из форм связи между нашими партиями. Так и должно быть”.

Участник этой беседы представитель Москвы в ЦК

КПК И.В. Ковалев стенографически записал следующие слова Сталина: “Мы весьма вам благодарны за такое уважение, однако нельзя воспринимать некоторые мысли, которые мы высказываем, как указания. Можно сказать, что это своего рода братские советы. И это не только на словах, но и на деле. Мы можем вам советовать, но не указывать, так как мы недостаточно осведомлены о положениях в Китае, не можем сравниться с вами в знании деталей этой обстановки, но главное — не можем указывать, потому что китайские дела должны решаться целиком вами. Мы не можем решать их за вас”.

И далее: “Вы должны понять, продолжал И.В. Сталин, важность занимаемого вами положения и то, что возложенная на вас миссия, имеет историческое, невиданное ранее, значение. И это отнюдь не комплимент. Это говорит лишь о том, насколько велика ваша ответственность и историческая миссия.

Между нашими двумя партиями необходим обмен

всей КПСС, всего советского народа, поскольку за 30 лет при жизни Сталина были завершены революция и строительство социализма, достигнута победа в Отечественной войне. Эти заслуги связаны с народом Советского Союза, КПСС, его ЦК и со Сталиным.

Пока не опубликованы материалы встречи делегаций КПСС и КПК в июле 1963 г. в Москве, которые возглавляли М.А. Суслев и Дэн Сяопин. Как участник этих встреч в Доме приемов на Ленгорах, знаю о следующих высказываниях Дэн Сяопина по вопросу о роли Сталина. На заседании делегаций 8 июля Дэн Сяопин, в частности, сказал:

— Мы всегда считали и считаем, что XX съезд Коммунистической партии Советского Союза выдвинул идущие вразрез с марксизмом-ленинизмом положения по вопросам войны и мира, мирного сосуществования и мирного перехода. Особенно серьезными являются два вопроса: вопрос о так называемом “мирном переходе” и

вопрос о полном и огульном отрицании Сталина под предлогом так называемой “борьбы с культом личности”.

Со времени XX съезда Коммунистической партии Советского Союза факты показывают, что полное и огульное отрицание Сталина явилось серьезным шагом, принятием руководящими товарищами из Коммунистической партии Советского Союза с целью проложить путь для ревизии марксизма-ленинизма по целому ряду вопросов.

Мао Цзэдун, отметил Дэн Сяопин, высказывался о Сталине 23 октября 1956 г., и 30 ноября 1956 г. во время встреч с послом СССР. Тогда он говорил: “Вы совсем отказались от такого меча, как Сталин, выбросили этот меч. В результате враги подхватили его, чтобы им убивать нас. Это равносильно тому, что “подняв камень, бросить его себе на но-

ги”. Основной курс и линия в период руководства Сталина являются правильными, и нельзя относиться к своему товарищу, как к врагу.

Два года спустя, в апреле 1965 г., Мао Цзэдун в беседе с А.Н. Косыгиным в Пекине заявил: “Я нападаю на XX и XXII съезды КПСС. Я не согласен с линией этих съездов, с тем, что был какой-то там культ личности”.

Как-то Мао Цзэдун бросил фразу, что мог бы написать целые тома по вопросу о его взаимоотношениях со Сталиным. Возможно.

Из того, что известно, складывается впечатление, что Мао ревниво относился к авторитету Сталина. Видимо, это объясняется духом соперничества и желанием, так сказать, “заменить” Сталина в качестве высокого авторитета в международном коммунистическом движении. На это накладывал свой отпечаток курс части китайского руководства на обострение отношений с КПСС и СССР, которые приняли острый характер после XX съезда КПСС, особенно в ходе “культурной революции” (1966–1976 гг.). Надо иметь в виду и то, что критику в СССР культа личности Сталина Мао Цзэдун воспринимал как “подкоп” под свой собственный культ. Не случайно поэтому в Китае с конца 50-х годов попытались воздвигнуть “китайскую стену” на пути “ветров с севера”.

В то же время в пропаганде, в официальных заявлениях Мао Цзэдун неизменно противопоставлял свою особую позицию линии КПСС, защищал Сталина, маскируя свою линию, в том числе ссылками на то, что, мол, портрет Сталина выставляется во время торжественных мероприятий на площади Тяньаньмэнь.

Прошло 40 лет с тех пор, и уже не все помнят, насколько остро Пекин формулировал вопрос о “перерождении” КПСС, ее “верхушки во главе с Хрущевым”, о нарождении и укреплении в СССР “привилегированной прослойки”, о “хрущевской ревизионистской клике, ведущей к капитализации советского общества”.

В этих материалах, разумеется, со словесными излишествами, отражавшими полемику тех времен, содержались, как нам теперь видится, справедливые предупреждения об опасности перерождения КПСС, демонстрации социализма в СССР. “Хрущевский ревизионизм, — писал ЦК КПК, — поставил первое в мире социалистическое государство, за создание которого великий советский народ проливал свою кровь, перед небывало серьезной опасностью — реставрацией капитализма”.

О. РАХМАНИН,
доктор исторических наук

СТАЛИН И МАО

мнениями, но наше мнение отнюдь не должно приниматься за указание. Компартии других стран могут отвергнуть наше предложение. И мы, конечно, тоже можем не согласиться с предложениями компартий других стран”.

Особого внимания заслуживает изучение подходов Мао Цзэдуна, руководства КПК к оценке роли Сталина после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.). Мао Цзэдун и его соратники, местные партийные кадры, кто с меньшей, кто с большей долей искренности — не принимали отрицательных оценок Москвой роли Сталина. Первой официальной реакцией ЦК КПК на критику культа личности Сталина на XX съезде была редакционная статья органа ЦК КПК газеты “Жэньминь жибао” “Об историческом опыте диктатуры пролетариата”. В ней, в частности, говорилось, что “И.В. Сталин творчески применял и развивал марксизм-ленинизм, что “в борьбе за защиту ленинского наследия от врагов ленинизма — троцкистов, зиновьевцев и других агентов буржуазии — он выражал волю народа, был достойным и выдающимся борцом за марксизм-ленинизм”.

Семь месяцев спустя, 29 декабря 1956 г. (после польских и венгерских событий) “Жэньминь жибао” снова опубликовала редакционную статью в защиту Сталина “Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата”, которая была написана еще жестче, конфронтационно. Обе статьи являлись итогом расширенных заседаний политбюро ЦК КПК по вопросам критики в СССР Сталина и решений XX съезда. На совещании в Чэнду в марте 1958 г. Мао Цзэдун говорил: “Хрущев одним махом покончил со Сталиным. В китайской партии большинство выразило несогласие. Мы должны преклоняться перед Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным. Да и почему не преклоняться перед ними, если истина в их руках?”.

Споры с китайцами об оценках Сталина, начавшись с 1956 г., продолжались на протяжении всей так называемой “большой полемики” 60-х годов. Причем Пекин неизменно выступал в роли защитника Сталина.

В беседе в Кремле с А.А. Громыко 19 ноября 1957 г. Мао Цзэдун заявил: “В целом, по нашему мнению, Сталин имеет примерно 70% заслуг и 30% ошибок. Возможно, историки произведут другой расчет заслуг и ошибок Сталина. Может быть, речь пойдет о 10% ошибок. Мы не согласны с вами и главным образом в том, что в начале постановки этого вопроса не были должным образом определены масштабы заслуг и ошибок Сталина”.

Продолжая данную тему, Мао Цзэдун сказал, что этот вопрос касается не только лично Сталина, но и